

30 АПР 1972

«И НЕЛЬЗЯ БЕЗ ГИТАРЫ, И НЕЛЬЗЯ БЕЗ ТРУБЫ...»

ЧЕМ отличается зритель до 16 лет?

Чуткостью, непосредственностью, чувствительностью, что ли, восприимчивостью (ему либо нравится, либо нет, взрослой «золотой» середины он не признает).

И еще тем, что видит и запоминает самое главное, а второстепенное отмечает. Это в его характере. (Достаточно взглянуть на детские рисунки). Поэтому, играя таких же ребят, какие сидят в зрительном зале, нужно всегда, каждую минуту знать, что же главное сейчас в нашем юном современнике. Так сказали мне в Центральном детском театре.

Этот театр и Пионерия почти ровесники (для точности — театр на полгода старше).

Первые пионеры появились на сцене в середине 20-х годов в играх-спектаклях С. Розанова «Вудь готов» и водевиле С. Зяичкина «Пионерия».

Успех был огромный. Впервые ребята видели на сцене не сказочных героев, а самих себя. И с тех пор пионерская тема и тема современности прочно вошли в репертуар театра. Н. Паустовский, А. Барто, С. Розанов, Н. Сан, Н. Шестаков, С. Михалков писали о том, что волновало ребят, заставляли задуматься о чести и долге, об отваге и трусости.

Н О ГДА актрисы-трагисты говорят, что играют свою роль по образу и подобию какого-то мальчика, увиденного на сборе, — рассказывает народная артистка СССР Валентина Александровна Сперантова, — мне кажется, они кривят душой. Искусство, как известно, не зеркало, а увеличительное стекло, и все образы на сцене — собирательные. Другое дело деталь костюма или грима.

Когда мой муж строил Днепротэс, я поехала вместе с ним. Там познакомилась с забавным мальчишкой. Линая рубашка, штаны по щиколотку, босые ноги в цыпках, а в руках кнут. Я его спрашиваю: «Ты чего с кнутом?». «А я пастух», — отвечает. «Ну, хлопни кнутом!», — прошу. Он и хлопнул, замечательно так хлопнул. Мы сфотографировали его. И в Москве я попросила точно такой же костюм для подласка Егорки из пьесы А. Афиногенова «Черный яр».

Я играла ребят таких, каких знала с детства.

Когда в Зарайск, где я родилась, пришла революция, мы бегали смотреть, как жгут портреты царя. Мы пьянели от свободы. Мальчишки выбрасывали сумки,

а книжки засовывали под ремни и обрывали пуговицы на гимназических мундирах, чтобы хоть немного походить на пролетариев. Чудесное было время.

И первые зрители 20-х годов были необычные, попадались среди них бывшие беспризорники, которые еще недавно ночевали в асфальтовых котлах, сидели в зале замерзшие, закутанные в платки и кофты, полуголодные. А пионеры, те не выпускали из рук драгоценных учебников. Так с ними и смотрели.

Мы, артисты, были для них первооткрывателями. Что они видели в своей жизни? В лучшем случае кинематограф с поцелуями под разбитое пианино. Матерям и отцам было подчас не до них. Они воссоздавали страну. А комсомольцы хотели, чтобы ребята отделились от улицы и тянулись к театру. Конечно, интересовали детей и сказки, извечная борьба добра со злом. Но совершенно завораживала романтика подвигов сверстников-героев, вроде Павлика Морозова или того же подласка Егорки. Знаете, как они кричали, топали и свистели, когда меня сбрасывали с обрыва? А какой восторг был, когда Егорка раскатывал, как он выплыл из омута! Ребята были необыкновенно восторженные и непосредственные.

Комсомольцы устраивали обсуждения спектакля с ребятами. Я выходила к ним в гриме, меня вертели, тормошили, а девчонки до того принимали за парня, что писали записочки...

Прошло много лет, зритель изменился, и вместе с ним изменился наш театр. Нынешняя аудитория повзрослела, она больше информирована. В 30-е годы ребята с такими знаниями возглавляли бы комсомольскую ячейку. Они ничего не принимают бездумно, каждое слово, каждый поступок героя анализируют. И увлекаются только тогда, когда хорошая игра актеров сочетается с хорошей драматургией, такой, как в «Двадцати лет спустя» Светлова или «Снежной королеве» Шварца. Играть стало труднее, но интереснее, потому что мы разговариваем с сегодняшним зрителем на одном языке...

Е ДИНСТЕЙННО, чем детский театр отличается от взрослого, это тем, что наш театр еще и педагогический, — сказала заведующая педагогической частью ЦДТ заслуженная учительница РСФСР Н. А. Лятва-

нович. — Конечно, мы не разжевываем избитые истины, но ставим перед ребятами вопросы, на которые они должны ответить сами. Наш театр — это славя художественной и воспитательной работы.

Каждый день дежурят педагог, который записывает, как зрители принимали спектакль. Театр дружит с пятьюдесятью школами Москвы, выезжает к ним, и они приезжают к нам. Вместе обсуждаем новые работы. С 1932 года при театре существует актив школьников. Ребята-активисты бывают на читках новых пьес, генеральных репетициях, творческих вечерах артистов, выпускают у себя специальные стенгазеты о театре, участвуют в организации выездов актерских бригад в школы и Дома пионеров.

150 старшеклассников из актива занимаются в Клубе искусств для школьников, которому скоро исполнится 14 лет. Ребята здесь участвуют в открытых репетициях, диспутах, встречах с ведущими актерами, режиссерами, драматургами, занимаются в актерской и театроведческой студиях.

Н АД сценой, над флашштоком, над ветками берез, где-то в вышине пронзительно запела труба. О том, что «нельзя без горниста...».

Четверо в плащ-палатках и касках, надыннутых на веснушчатые носы, это, кажется, уже поняли. Да и как же иначе — все-таки идет одна из последних репетиций финала новой пьесы драматурга-дебютанта Андрея Кучаева «Первая смена», посвященной 50-летию пионерской организации. На Всесоюзном конкурсе «Первой смены» присуждена специальная премия ЦК ВЛКСМ.

Так вот, ребята выполняли стратегическую задачу — искали горы. Они носились по сцене так энергично, что стволы подвешенных к колосникам берез покачивались. Ну что ж, в лесу тоже бывает ветер...

— Контражур здесь будет, — раздался микрофонный голос режиссера

Виталия Черменева, — а свет нужно убирать. Вы меня поняли, Олег?

Из под пола выросла голова и немногоословно поинтересовалась:

— Когда?

— Когда я сделаю так: «Р-р-р!», — Черменев продемонстрировал. — Начали!

— Р-р-р!..

Березы стали багряными, черными, седыми и снова солнечными — осветитель прошелся по всем цветам радуги, как музыкант по клавишам, и наконец «сделал» день.

На авансцену выкатился разведчик Петя Васнецов по прозвищу Квас и доложил, что горы найдены. «Ура, ура!» — закричали тут швабры «все», — как писал в аналогичной ситуации Лев Кассиль.

Потом артисты спустились в зал, к режиссерскому пульту.

— Как нам моя седина? — спросил режиссера Владлен Степанович — артист В. Калмыков.

— Ничего, когда парик растрепал, а то благородная какая-то слишком...

— Нет, а я правильно рыжий? — добивалась от драматурга Людмила Гнилова. — Я ведь Квас, да? А Квас ведь рыжий такой по цвету. Отсюда и кличка, да?

Кучаев пожал плечами:

— Собственно, ребята по разному поводу, а то и без повода клички дают. Васнецов, Кваснецов, сокращенно Квас...

— Это они первый день в парнях, объяснил мне Кучаев. — Поэтому и обсуждаем...

ЕСЛИ бы я попытался определить жанр пьесы, — говорит драматург, — я бы назвал ее героической комедией. Действие происходит в пионерлагере в начале первой смены. Там приезжают ребята, которые не любят мертвых фраз и скучных дел. Задача пьесы — в привычные для ребят понятия — горы, дружба, линейка — вдохнуть первоначальный высокий смысл.

Лейтмотивом спектакля стала «Баллада о гитаристе и трубаче» (музыка Я. Френкеля, слова Ю. Левитанского). Если взять гитару и горы за символы, то выясняется, что эти понятия нельзя противопоставлять, что одинаково «нельзя без гитары и нельзя без трубы...».

Премьера «Первой смены» состоится на днях.

— Каким получится спектакль, говорить рано, — сказал под конец режиссер. — Но мне хотелось бы продолжать традиции Центрального детского театра, театра не внешне развлекательного, а психологического. Говорить со сцены о серьезных вещах и без скидок на возраст.

Н. ГНАТЮК